

БЫЛА ЛИ ИСТОРИЯ РОССИИ СПЛОШНОЙ ТРАГЕДИЕЙ?

ПО ПОВОДУ КНИГИ Х. РЭГСДЕЙЛА "РОССИЙСКАЯ
ТРАГЕДИЯ. БРЕМЯ ИСТОРИИ"

Несколько слов об авторе книги¹. Хью Рэгсдейл – профессор Алабамского университета (Тускалуза, США), где он вел курс истории России. Его перу принадлежат книги "Разрядка в наполеоновскую эпоху. Бонапарт и русские", "Царь Павел I и вопрос о безумии. Историко-психологический очерк"². В 1990 г. он стал организатором американско-советской конференции, посвященной имперской политике России, редактором, а также переводчиком солидного труда, в основу которого были положены материалы встречи³. С крушением советской сверхдержавы интерес к нашей истории в Соединенных Штатах упал, и Х. Рэгсдейл в цветущем для ученого возрасте оказался на пенсии.

Жанр рецензируемого труда необычен. Это не краткая история России, а размышления автора о ее судьбах на историческом фоне. Х. Рэгсдейл не принадлежит к кремлеведам, идущих от конъюнктуры, он – высокоэрудированный исследователь, посвятивший научную жизнь этому сложному сюжету, и, по его словам, предлагает читателю личную интерпретацию происходящего ныне в России с опорой на ее историю (с. XIV).

Хронологические рамки книги – от Рюрика до Горбачева и Ельцина. Автор опровергает по ходу изложения множество расхожих мнений и штампов, и ныне быгующих за рубежом, а подчас не изжитых и в отечественной историографии. В то же время труд от начала до конца дискуссионен, само заглавие его заставляет задуматься над вопросом, правомерно ли считать историю России сплошной трагедией? В конце концов, чертами трагизма отмечена летопись всех государств. Германия была раздроблена на тысячу осколков Вестфальским миром 1648 г., а далее – пережила мучительный процесс объединения "железом и кровью". Франция конца XVIII–XIX в. прошла через четырех революции и два военных разгрома. В истории США демократия на Севере соседствовала с рабством негров на Юге; не говоря уже о трагедии геноцида коренного населения индейцев.

Несмотря на кровопролитие гражданской войны, коллективизацию, сталинские репрессии, ГУЛАГ Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу, сумевшую выдержать в 1941–1945 гг. чудовищный напор германской военной машины и разгромить врага. И если спросить наших ветеранов об их "доперестроечной жизни", в ответах их, наверняка, прозвучит и гордость за свою сверхдержаву, и доброе слово о дешевых квартирах, и доступных по цене санаториях и домах отдыха, бесплатной системе здравоохранения. Вряд ли они считают свое тогдашнее существование трагическим.

Х. Рэгсдейл уважительно относится к нашим истокам и считает, что Киевская Русь входила в европейский культурный ареал. Воздействие варягов в сфере социальной и культурной он полагает, математически выражаясь, величинной, которой можно пренебречь. "Создается впечатление, что киевское общество являлось более

¹ Ragsdale H. The Russian Tragedy. The Burden of History. Armenb – New York – London, 1996.

² Ragsdale H. Detente in the Napoleonic Era. Bonaparte and the Russians; *idem*. Tsar Paul and the Question of Madness. Ann Essay in History and Psychology.

³ Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge (USA), 1993.

развитым, нежели современная ему Скандинавия, – пишет автор. – Киев знал письменную литературу, писанный свод законов и чеканку монеты задолго до того, как все это появилось в Скандинавии" (с. 5). Х. Рэгсдейл особо подчеркивает то важное обстоятельство, что Русь под татаро-монгольским игом сохранила государственность (с. 12).

Но тут мы сталкиваемся со спорным, если не сказать неприемлемым, утверждением автора: "Неевропейская сущность России проистекает прежде всего из сферы культуры, определяемой приверженностью русских к православию" (с. 12). Речь идет не меньше и не больше, как о роли религии, в данном случае конкретного вероисповедания, на протяжении сотен лет.

Киевской Руси выпала на долю тяжелая участь – быть щитом Европы от нашествия кочевников. Татаро-монгольское нашествие надолго прервало ее прежде интенсивные связи с Западом. Но перерыв не означал разрыва, связующим звеном оставалась христианская религия. Первые же признаки ослабления гнета совпали с усилением тяги к возобновлению прежнего культурного обмена, что стало особенно заметным при Иване III, которого Х. Рэгсдейл именует первым великим реформатором и основоположником абсолютизма, "наиболее творческой фигурой в политической истории России" (с. 17, 20, 21). Символично, что именно Иван III объявил Москву "третьим Римом".

Процесс возвращения в Европу затянулся надолго. Петр I "прорубил окно", Екатерина II в статье 6 своего Наказа провозглашала: "Россия есть европейская держава". Это стремление объяснялось не только и не просто экономической целесообразностью, а сознанием той общности, которую дала европейцам христианская религия, сформировавшая их менталитет, определившая развитие их культуры, в том числе политической. Это – основополагающий критерий отнесения того или иного этноса, той или иной страны к числу европейских.

Разумеется, в общих рамках христианства много течений, и православие, как одно из них, обладает своими особенностями: в частности, в России церковь никогда не противопоставляла себя светской власти, как это делал папский престол, напротив, православная церковь духовно поддерживала государство в борьбе за свержение чужеземного и иноверческого господства. Разумеется, этические нормы православия отличаются от католических и кальвинистских. Но можно ли только на этом основании выводить Россию из рамок европейской цивилизации? Англичане, французы, немцы отличаются обычаями, нравами, конституционными учреждениями, и если отказаться от принадлежности нации к христианской религии как основополагающего принципа "европеизма", то логично говорить об "островной цивилизации" британцев, настолько их менталитет отличается от "континентального". Следуя подходу автора, необходимо отсечь от Европы добрую часть континента, включая Грецию, колыбель европейской цивилизации, что и вовсе выходит за рамки разумного.

К сожалению, концепция "европеизма" уже давно служит идеологическим оружием в крупномасштабных политических и даже военных играх. Французский король Людовик XV соорудил вдоль границ с Россией "восточный барьер" из таких государств, как Швеция, Польша и Османская империя: "Целью моей политики в отношении России, – пояснял он своим дипломатам, – является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе"⁴. Наполеон Бонапарт собирался "толкнуть Россию в Азию"⁵. В годы первой мировой войны немецкие экспансионисты мечтали обратить нашу страну "в прежнее полуазиатское государство"⁶. Гитлеровцы пошли дальше других: солдаты вермахта, чьи поясные ремни украшали пряжки с надписью "С нами Бог", испепеляли города и села вместе с их обитателями, а целью ставили испепелить Российскую державу. В Берлине до конца войны успели изваять гигантские статуи древних германских богов, чтобы водрузить их на вершины Уральских гор и обозначить тем самым рубежи "третьего рейха".

⁴ Грюнаальд К. Франко-русские союзы. М., 1968, с. 54.

⁵ Valloton H. Catherine II. Paris, 1955, p. 191.

⁶ Первая мировая война. М., 1968, с. 118.

При чтении книги создается впечатление, что автор склонен преувеличивать роль религии в социальной трансформации общества в новое время. То, что было совершенно справедливо по отношению к средневековью и даже раннему новому времени – вспомним Нидерландскую и Английскую революции – не срабатывает в более поздние периоды. Утверждение Х. Рэгсдейла о том, что "с точки зрения поисков новой Россией материального и технического прогресса православие являлось подлинной трагедией, препятствием, ложной религией" (с. 47), не представляется обоснованным. При таком подходе непонятно, как католичество, сохранившее иерархическую структуру, характерную для средневековья, латинский язык литургии и множество других "родимых пятен" далекого прошлого, чуждое элементов духовного поощрения предпринимательства, характерных для кальвинизма, остается вероисповеданием стран, ушедших далеко вперед по пути материального и технического прогресса.

Интересны суждения Х. Рэгсдейла о роли абсолютизма в России: "Монархия в лице таких ее деятелей, как Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II являлась единственным прогрессивным институтом в русском обществе" (с. 71). – пишет автор. Спору нет, наступление абсолютизма закономерно на определенном этапе развития государственности. Но в какой форме? Что общего с прогрессом имело палаческое царствование Ивана Грозного, подведшее Россию к порогу Смутного времени? Самодержавное правление сопровождалось такими уродливыми явлениями, как раздача "деревенек" вместе с крестьянами, продажа людей семьями и поодиночке, и, главное, гасило интерес к развитию производства у крестьянина, и у помещика, и в конечном счете завело Россию в социально-экономический тупик. И когда Х. Рэгсдейл пишет о "стерильно-бесплодном консерватизме, зародившемся в 1790-е годы" (с. 73), позволено заметить, что эта "стерильность" и в социальной жизни, и в политике проявлялась и раньше.

Характеристика эпохи Екатерины II в книге дана, на наш взгляд, лучше, нежели петровской. Вслед за В.О. Ключевским⁷ Х. Рэгсдейл проводит мысль о том, что крестьянство восприняло манифест о вольности дворянской как предтечу вольности крестьянской. Лопнула пружина и по-своему логическая, отмечает автор, цепь взаимозависимости: крестьянин служит помещику потому, что дворянин-помещик несет службу государству. Если последний избавлен Петром III от этой тяжести, то следующим шагом, по мнению крестьян, должно было стать освобождение крепостных. Так, по их представлениям, думал Петр III, за что его и свергли. Отсюда – 25 Лже-Петров III во главе с Пугачевым. Его восстание – переломный момент и в царствовании Екатерины II, и в истории России вообще. "Провинциальная администрация исчезала при одном его приближении". Екатерина рассталась со всякой мыслью об улучшении участи крестьян и, после 20 с лишним лет колебаний, удовлетворила требования дворянства, утвердив его в качестве единственного управляющего сословия (с. 67–68). Обратной стороной административного упорядочения стала, как отмечает автор, тенденция к ужесточению крепостничества и дальнейшее назревание кризисных явлений в экономической и социальной жизни.

Автор чужд имеющему широкое хождение на Западе взгляду, в распространении которого он приписывает немалую заслугу Карлу Марксу, о якобы присущей России особой агрессивности. По словам Х. Рэгсдейла, к началу XVIII столетия было собрано под одну крышу наследие Киевской Руси, "оставалось потребовать правобережную Украину, Северную и Центральную Польшу (т.е. Белоруссию. – В.В.), побережье Балтийского и Черного морей" (с. 27).

Другой пример подхода автора к внешней политике России – трактовка Крымской войны. Позволю себе привести длинную цитату: "Дипломатия конфликта напоминала театр абсурда. Косвенной причиной ее (войны. – В.В.) явилась репутация агрессивности, оставленная русской внешней политикой Петром I и Екатериной II. Согласно

⁷ «За "канцелярски-напыщенным и канцелярски-безграмотным актом" о вольности дворянской следовало, ради справедливости, отменить крепостную зависимость». – *Ключевский В.О.* Русская история, кн. 3. М., 1993, с. 104.

европейской легенде, таинственное "Завещание Петра Великого" определяло принципы, которых его преемники должны были придерживаться с целью завоевания всего континента. Государственные мужи, начиная с Наполеона Бонапарта и кончая Гарри Трумэнном, обнаруживали в нем источник российско-советских внешнеполитических устремлений. "В "Крисчен сайенс монитор" в свое время был дан его ("Завещания". – *В.В.*) обзор с целью объяснить советскую интервенцию в Афганистане, хотя в этом мощенническом документе ни слова об Афганистане не говорится" (с. 81).

Возвращаясь к Крымской войне, автор пишет: "Николай не имел и мысли о территориальном расширении" за счет турок. "Он делал то, чем обычно и занимался – исполнял своей долг. Кючук-Кайнарджийский мир предоставил России роль покровительницы православных христиан в Оттоманской империи, но его (Николая II. – *В.В.*) заподозрили в агрессивных намерениях"⁸ (с. 81). В итоге "русские проиграли и, будучи заподозрены в великоимперских замыслах, которых они не питали, были наказаны". Уничтожение флота на Черном море по Парижскому миру 1856 г. историк трактует как "запрет на защиту собственных рубежей, что оскорбительно для великой державы" (с. 82). Таков вывод ученого, глубоко и специально изучавшего историю имперской политики России, вывод, не имеющий ничего общего с расхожим мнением о необузданной агрессивности царизма.

Х. Рэгсдейл в книге уделяет много внимания внутреннему положению России, и суждения его дают почву для размышлений. Приведем здесь некоторые: "Презумпция Народной воли явилась трагической ошибкой: убийство царя не соответствовало желаниям русского народа" (с. 99). С.Ю. Витте "выступил великим пионером идеи плановой индустриализации". Итоги оказались "почти сенсационными" (с. 156–157). С манифестом 17 октября 1905 г. "российскому самодержавию пришел конец, и революция 1905 г. вскоре завяла и скончалась" (с. 162). Цель реформы П.А. Столыпина – создать слой крепких собственников-крестьян, опоры трона. Правительство испытало шок в связи с тем, что крестьяне, вопреки европейскому опыту, "не голосовали за консерваторов на выборах в Думу». Рэгсдейл объясняет их позицию наличием общины (с. 167). "Если бы Германия выиграла первую мировую войну, Россия наверняка превратилась бы в немецкую колонию" (с. 181). "В вопросах революционной тактики Ленин на деле выступал как неосознанный эсер. Его конечной политической целью, однако, оставался марксизм" (с. 177).

И тут следует остановиться на взгляде Х. Рэгсдейла на российскую осень 1917 г. Он везде именует произошедшее тогда Октябрьской революцией в отличие от многих отечественных авторов, даже маститых, взявших на вооружение термин "переворот". Что было – то было. Октябрьская революция – независимо от того, как ее рассматривать со знаком плюс или со знаком минус – потрясла мир, дала толчок развитию революционного радикализма и национально-освободительного движения, побудила своих противников заняться поиском реформ как альтернативного пути развития, привела к появлению на мировой арене мощного индустриального государства и, в конечном счете – сверхдержавы. Выкинуть ее из истории Отечества невозможно, преуменьшать ее значение – бессмысленно. Х. Рэгсдейл этого не делает и дает при этом свою оценку некоторым фактам и актам: О декретах о земле: "Это – декреты на бумаге. Они ничего не изменили. Они признали, что узаконили то, что крестьяне осуществили в 1917 г." (с. 182). "Самое удивительное в период с марта по июль 1918 г. – то, что большевики почти ничего не сделали, и, особо отметим, они не приступили к систематической национализации промышленности" (с. 184). Об иностранной интервенции: "В действительности уставшее от войны население стран союзной коалиции не позволило бы долго авантюры (своих правительств. – *В.В.*) в далекой России" (с. 187). Красные и белые: "Одна продразверстка была все-таки лучше, нежели реквизиция зерна плюс возвращение землевладельческого класса" (с. 189).

⁸ Сходные мысли автор этих строк излагал в статье: *Виноградов В.Н.* Николай I в "Крымской ловушке". – Новая и новейшая история, 1992, № 4.

Автор задает трагический в своей безответности вопрос, касающийся непротivления валу репрессий Сталина: "Почему русская нация предоставила ему столько исполнительных помощников в деле разрушения себя самой, своей культуры, своей жизни?" (с. 234). Действительно, как это могло произойти? Для установления диктатуры пролетариата в России, считает Х. Рэгсдейл, не было объективных условий: «Как мог российский пролетариат, составлявший, по всей видимости, 2–2,5% населения, решиться на осуществление политики прогрессивного социализма в стране, где господствовал, по словам К. Маркса, "идиотизм сельской жизни"» (с. 188).

И здесь Х. Рэгсдейл, подобно Уэллсу, приходит к выводу, что Ленин не развивал марксизм, а ревизовал его. Правда, отличие между двумя зарубежными наблюдателями большое: если Уэллс считал Маркса догматиком губившим живое дело, разваливавшим любую организацию, с которой он соприкасался, а Ленина, напротив, – гениальной творческой личностью, сумевшей сплотить и повести за собой миллионы людей, то Рэгсдейл куда более суров к творцу Октября: "Ужасающая пародия на цели марксистской революции явилась естественным и неизбежным следствием произведенной Лениным ревизии марксизма, следствием авангардной теории, соединившей буржуазную и пролетарскую революции" (с. 194).

Неизбежная в обобщающем труде фрагментарность изложения приводит к определенной безапелляционности суждений о вещах, выходящих за рамки терминологического спора, например, о том, был ли Ленин марксистом, являлись его взгляды развитием или ревизией марксизма. Все это требует серьезного подхода, взвешивающего анализа, более академического размышления о революционном процессе в России и роли в нем Ленина.

О последнем из ленинских свершений – НЭПе, Х. Рэгсдейл судит с резко отрицательных позиций. НЭП характеризуется в книге как "диктатура партии над пролетариатом во имя крестьянства" (с. 195). Невольно напрашивается вывод, что автор разделяет мысль об антагонизме двух классов – рабочих и крестьян и противоположности интересов производителей в городе и деревне. Стало быть, с началом коллективизации роль партийной диктатуры изменилась: она осуществлялась над деревней во имя интересов города?

Нужно ли проводить такую грань? Разорение деревни ради осуществления индустриализации явилось одной из самых тяжких провинностей советского строя. Но этот процесс нельзя считать закономерностью в ходе того, что именовалось социалистическим строительством. В социалистической Чехословакии, например, крестьяне жили в достатке, жизненный уровень деревни превосходил городской, полки магазинов, в сравнении с российской деревней, ломались от товаров.

"НЭП явился уродливой комбинацией экономического либерализма и политической диктатуры", утверждает американский историк (с. 195). Но ведь НЭП дал поразительно быстрые результаты в оздоровлении экономики и финансов России. На ум приходит современный Китай, осуществляющий впечатляющий прыжок от отсталости к вершинам экономического прогресса в условиях партийной диктатуры. Что же, там тоже происходят явления уродливого плана притом, что благодеяния нового курса ощущают все слои общества? Создается впечатление, что создаваемая на Западе картина двух миров – рыночной экономики, украшенной всеми демократическими добродетелями, с одной стороны, и тоталитарного режима, лишённого оных, а заодно и хозяйственной гибкости, с другой – является упрощенной и догматической. Не правомерно ли иное допущение: в мире происходят процессы, которые не втиснуть в рамки прежних противопоставлений: капитализм – социализм, демократия – диктатура, и возникает вариант рыночной экономики с разными формами собственности и разной степенью демократических свобод (или даже при отсутствии таковых в их традиционно-западном варианте).

Х. Рэгсдейл приходит к выводу об отличии российских представлений о демократии от западных: "Демократия в российском понимании не правление большинства, а народная справедливость" (с. 260). Очаги ее историк видит в крестьянском мире и рабочей

артели. "Утверждение, что демократия сама по себе прогрессивна... принадлежит к разряду американских мифов", – полагает он (с. 261). А пока, по словам Х. Рэгсдейла, "в хаосе и сумятице, в условиях шока и боли, царящих в постсоветской России, действует рудиментарный, хищный и в какой-то степени примитивный протокапитализм" (с. 270). Чтобы направить его в русло производительных затрат необходимо, по мнению историка, выработать целеустремленную стратегию экономического будущего и добиться сцементирования власти, формы которой должны определяться с учетом исторических традиций страны.

Нельзя пройти мимо замечаний проф. Х. Рэгсдейла о ситуации в бывшем социалистическом содружестве. Он пишет кратко, емко, и, на наш взгляд, абсолютно справедливо: "В Восточной Европе участники советского блока первоначально вели себя в духе покорности и сотрудничества, приносили экономические жертвы и укрепляли безопасность. С наступлением брежневской эры их субсидировали, баловали и, в сущности, подкупали для того, чтобы обеспечить их послушание, а они отворачивали носы с разной степенью безнаказанности и непочтительности" (с. 254). Что правда, то правда. Социалистический лагерь разъедался всеми видами противоречий, экономических, политических и идеологических, а советские лидеры превратили его единство в фетиш и не желали средств ради этого. Бывшие социалистические страны плыли к берегам экономических успехов на волнах дешевой советской нефти, поставлявшей по ценам, смехотворным по сравнению с мировыми. Ответной любезности в виде снижения цен на свои товары партнеры не проявляли. В итоге после развала содружества социалистических стран Россия, как наследница СССР, оказалась в глубоком долгу перед ними. Таковы оказались гримасы "социалистического разделения труда".

Заключительный раздел книги американского исследования озаглавлен: "Осторожный прогноз". История, отмечает Х. Рэгсдейл, приучает к сдержанности в предсказаниях: разве можно было предвидеть нашествия варваров, эпидемии чумы, наводнения, беспощадные войны, биржевые крахи, ГУЛАГ, Ленина, Сталина, Горбачева? (с. 273). Опыта перехода от социалистической экономики к рыночной нет, опереться здесь не на что. Здесь историк от предположений переходит к пожеланиям. Он признает, что Россия, как и СССР, является важнейшим фактором глобальной стабильности. "Мы должны признать, пусть нехотя, что развал Советского Союза вовсе не стал безусловным благом, – пишет он. – Эта империя зла... сохраняла разновидность мира и порядка в заведомо лишенной этого части света... проходившей по советской границе с Ближним Востоком и в порубежье Восточной Европы, где вспыхнули две мировые войны. Кавказ и Балканы и ныне отчасти являются носителями того зла, с которым Советский Союз, и холодная война, раньше сталкивались" (с. 273).

На последних страницах книги Х. Рэгсдейл негласно солидаризируется со знаменитым тютчевским четверостишием: "Умом Россию не понять..." и молчаливо соглашается с его заключительным утверждением: "В Россию можно только верить": "Прочное, спокойное будущее для россиян, а следовательно, и для нас всех, зависит от того, удастся ли им найти путь, означающий одновременно и отвержение насильственного абсолютизма прошлого и в то же время нечто более им близкое, нежели поверхностное заимствование либерального капитализма и сопровождающих его ценностей, – пишет он. – Возможно, в ходе этого процесса они обретут нечто полезное и для использования против зол нашего общества" (с. 275).

Логический вывод из рассуждений американского автора таков: надо не загонять Россию в угол экономических трудностей, не ставить ей подножку на пути к успеху, а способствовать ему". В XXI в. Соединенные Штаты и НАТО будут нуждаться в союзе с Россией во имя сохранения сколько-нибудь удовлетворительного мирового порядка, пишет Х. Рэгсдейл, солидаризируясь в этом суждении с А.И. Солженицыном.

В.Н. Виноградов

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН